

кинъ въ концѣ-концовъ вышелъ побѣдителемъ въ такой мѣрѣ, что самые взыскательные критики Щепкина уже не могли себѣ представить Сквозника-Дмухановскаго иначе, какъ въ образѣ, созданномъ Щепкинымъ.

Такъ, въ некрологѣ Щепкина въ *Библіотекѣ для Чтенія* ¹⁾ читаемъ: „въ городничемъ Щепкинъ являлся высшимъ, идеальнымъ образомъ умнаго мошенника, огражденнаго всѣми гарантіями благонамѣренности и глубокимъ сознаніемъ своего officialнаго величія. То былъ героическій, величавый мошенникъ, одаренный государственной мудростью и удивительною находчивостью; этого-то гениальнаго плута со всѣмъ его синклитомъ представителей разныхъ отраслей государственнаго благоустройства дурачили вертопрахъ, глупый и пустой провѣзжій. Въ этой коллизіи виденъ былъ трагическій смыслъ, который, конечно, совершенно исчезаетъ, когда въ другомъ исполненіи городничій является передъ нами мелкимъ, пришибленнымъ и трусливымъ плутомъ“.

Въ статьѣ „Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ“, написанной близкой свидѣтельницей щепкинскаго творчества, читаемъ: „въ роли городничаго живая, но не суетливая игра Щепкина рисовала челоѡка, глубоко увѣреннаго въ себѣ и своей смысленности, опытнаго и спокойнаго, привыкшаго властвовать въ своемъ міркѣ. Въ концѣ пьесы вы видите его обманутымъ, но не разбитымъ“.

Приведемъ, наконецъ, въ высшей степени важный отзывъ Аполлона Григорьева: ²⁾ „часто случалось мнѣ слышать различныя мнѣнія насчетъ выполненія Щепкинымъ роли городничаго, слышать, наприм., что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ Щепкинъ слишкомъ суетится, въ другомъ—недостаточно проникнуть поразившимъ его ударомъ; часто самому мнѣ казалось это; но едва только пытался я представить себѣ, какъ могло быть иначе, и умственное представленіе сливалось подъ конецъ съ той же игрою Щепкина. Иные замѣчали, напр., что онъ съ слишкомъ большимъ жаромъ упрекаетъ себя за то, что далъ себя обмануть Хлестакову, онъ, тотъ самый городничій, который провелъ

¹⁾ *Библ. для Чтенія*, 1863 г., № 7. Журналъ этотъ издавался тогда П. Д. Боборыкинымъ.

²⁾ *Москвитянинъ*, 1852 г., апрѣль.